

В московской квартире этой подвижной немолодой женщины все дышит воспоминаниями об Александре Исаевиче Солженицыне. Отличные фотографии в строгих рамках, где он один или с ней - своей первой женой Натальей Алексеевной Решетовской. Книжки, которые были куплены и читаны вместе, старый рояль, на котором в минуты отдыха музицировала она... Многочисленные картотеки, составленные с удивительной научной тщательностью, толстые "амбарные" тетради с выписками, цитатами из произведений Солженицына, наиболее интересные письма читателей к нему, книги с закладками - все это составляет значительную часть интерьера самой большой комнаты в квартире Решетовской. Здесь будто живет писатель. Впрочем, почему "будто"?

Наталья Алексеевна - автор нескольких книг, связанных с жизнью и творчеством ее бывшего мужа. Мемуары она начала писать еще тогда, когда они не думали расставаться. Александр Исаевич с одобрением относился к литературным опытам жены. С тех пор перо кандидата химических наук не выписывает формулы, а дарит читателям воспоминания о большом человеке и большом писателе, интерес к которому у нас в стране и во всем мире сейчас огромен. Несомненно, взгляд человека, который долгое время был близок, дорог, любим А. И. Солженицыным, особенно важен для понимания нашего великого современника. И как бы ни складывалась личная жизнь писателя потом, после пятидесяти, его юность, зрелость связаны с Натальей Алексеевной, его Наташей...

Как все начиналось

Писателем Александр Исаевич задумал стать еще в детстве. Тогда он писал стихи, сочинял, будучи школьником, вместе с друзьями приключенческий роман, ходил на занятия литературного кружка Дома медресов в Ростове.

В Ростовском университете не было филологического факультета. А в пединститут он поступать не захотел и отдал документы на физико-математический. Но через несколько лет повзрослевший Солженицын узнает, что в Москве есть институт философии, литературы и истории (МИФЛИ), куда Александр и поступил на заочный факультет, уже перейдя на 4-й курс университета.

Учился он в обоих вузах очень хорошо. Ему был не так важен диплом, как знания. Чего он только не изучал! И латинский язык, и древнюю историю... В процессе изучения использовал карточки. По ним Александр заставлял экзаменовывать себя даже... в театре, в перерывах между действиями спектакля. Он никогда не терял зря времени. За отличную учебу в Ростовском университете получал Сталинскую стипендию.

Окончить университет мы успели перед самой войной. Но философское образование Александру Исаевичу получить не удалось - война нарушила все его планы. С ее приходом он, будучи ограниченно годным, всячески рвался на фронт. Солженицына мобилизовали осенью 1941 года, когда ему шел двадцать третий год.

Было два основных мотива, по которым Александр стремился стать участником боев: первый - патристический, а второй - писательский. Он считал, что в будущем обязательно будет писать. А где же еще может быть русский писатель, как не на фронте, когда его Родина воюет?! Солженицын рвался в артиллерию, поскольку был математиком и отец в свое время служил в артиллерии. Его мечта сбылась.

Когда на фронте было затишье, Александр Исаевич писал. Кроме того - читал много книг. Все это знали и старались принести ему что-то новое, в том числе политические книги, на основе которых и развернулась дискуссия в переписке с его другом Виткевичем. В письмах они старались выяснять, является ли Сталин истинным продолжателем Ленина ("благодаря" этой переписке они и получили в дальнейшем свои сроки).

Рассказы, написанные на фронте, Александр посылал своим однокашникам. Лидии Ежелец, учившейся в то время в аспирантуре МГУ, удалось показать один из его лучших рассказов, "Лейтенант", писателю Б. Лавреневу. От него Солженицын получил положительный отзыв. Лавренев был первым большим писателем, который понял: Александр Солженицын - не дилетант, а человек с большим литературным будущим.

Арест.

В шкуре ээка

Все литературные надежды, планы нарушил арест. Александра Исаевича "взяли" за три месяца до окончания войны, в феврале 1945 года. Сначала он надеялся на амнистию. Я подала дело на пересмотр, но ничего сделать не удалось. Александр перенес это невероятно тяжело. Я тогда была убеждена, что в лагере мой муж не пишет. Ведь он и сел за писанину: при аресте ему предъявили фотокопии его писем - толстых сочинений, - как документы, свидетельствующие против него. Но, вопреки моим предположениям, в лагерях Александр Исаевич про-

должал писать. Правда, сначала было не до этого. Только много позже он понял, какую хорошую жизненную школу прошел... Он говорил мне, что ему повезло видеть ссылку своими глазами, почувствовать все на себе, побывать в шкуре ээка.

Период, когда Александр Исаевич сидел в марфинской шарашке, так называемой спецтюрьме (ее Солженицын потом описал "В круге первом"), считался довольно благополучным. Здесь он начал подготовку к историческому роману, который ныне называется "Красное колесо", а когда-то - "Люби революцию".

Да-да, не удивляйтесь. Тогда

шего размера, а сотый - в виде сердечка. Он запоминал стихи, как монахи учат молитвы. Освободившись, он все смог переложить на бумагу. Ничего не пропало благодаря его феноменальной памяти. А она была именно такой.

К бывшим ээкам у Александра Исаевича отношение было более теплым, чем к другим людям, хотя встреч и личных знакомств (особенно в первый период жизни в Рязани) он избегал. Понятия "гости" в нашем доме почти не существовало. Мы еще у кое-кого бывали. К нам же приходили только по делу.

РЯДОМ С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

Сов. молодетв. - Рига - 1991. - 21 августа

(ПО МОТИВАМ РАССКАЗОВ
Н. А. РЕШЕТОВСКОЙ
НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ)

Солженицын был ярким ленинцем. Но под воздействием влияния, которые он испытал в тюрьме, мировоззрение его резко изменилось. Встречи со многими пострадавшими, пережившими сталинские репрессии людьми все повернули в нем. "Меня буквально забивали аргументами, когда я пытался спорить, защищая ленинские идеи", - признавался он.

Александр Исаевич был не из тех людей, кто в любом случае упорствует в своем мнении. Сопоставляя рассуждения ээков с реальностью, Солженицын после ссылки и речи не вел о ленинизме как верной идеологии. Перемена его взглядов была разительна. А ведь еще с фронта я получала письма, в которых он писал, что готов жизнь отдать за ленинизм: корил меня, что я мечтаю об уютной семейной жизни, ребенке...

Но это об идеях. А что касается литературного труда, то в марфинской шарашке он им занимался довольно активно. Пользуясь правом ээка-научного сотрудника, получал из Ленинской библиотеки исторические книги, делал из них выписки.

Перед пересылкой в другой лагерь Солженицын все заготовки оставил на хранение девушке из своей лаборатории, которая была вольной. Потом она послужила прототипом Симочки в романе "В круге первом". Но в книге Симочка в последний момент не получает никаких бумаг на хранение. В жизни все произошло наоборот. А после ссылки Александр Исаевич получил свои заготовки в целостности и сохранности. Я знаю только имя этой девушки - ее фамилии муж не называл в целях конспирации (не хотел подводить хорошего человека - работница КГБ, лейтенанта госбезопасности).

Самый тяжелый лагерь у Солженицына был в Экибастузе. Это его он изобразил в книге "Один день Ивана Денисовича". Здесь писать и хранить написанное он не мог, поэтому сочинял стихи и запоминал их. Среди них была даже пьеса в стихах, которая потом подпортила ему всю литературную карьеру. Это "Пир победителей". Чтобы ее запомнить, Александр пользовался четками из ста хлебных катышков, причем пятидесяти и сотый отличались от остальных: пятидесятый был боль-

Желающих же общаться с Солженицыным было очень много. Но он всех отталкивал, игнорировал. Иногда даже я была шокирована его упрямством. Считаю, что в каком-то плане это ему вредило.

"Рассекречивание" рязанского учителя

Когда в "Новом мире" (N 11 за 1961 год) вышел в свет "Один день Ивана Денисовича", никто в Рязани не знал, что автор живет в этом городе. Статья К. Симонова в "Известиях" - первый отзыв на "Ивана Денисовича" - не проясняла личности автора. Лишь через несколько дней главный редактор журнала "Знамя" Григорий Бакланов, выступая в "Литературной газете" со статьей о повести, называет его "рязанским учителем".

На статью в "Литературной газете" рязанские писатели отреагировали очень быстро. Уже на следующий день к нам домой пришел Василий Матушкин. Он выразил радость по поводу того, что живет в одном городе с автором "Одного дня Ивана Денисовича".

Через несколько дней Матушкин навещал нас вместе с Борисом Можаявым и стал уговаривать Солженицына вступить в Союз писателей. Александр Исаевич засомневался:

- Не рано ли? Подождем, пока выйдет книжка. Потом вы заставите меня посещать ваши "пятницы", а у меня нет времени. Я и так слишком много потерял его в своей жизни.

- Что вы, Александр Исаевич, - ответил ему, - мы ни к чему не будем вас принуждать и будем рады, если вы хотя бы раз придете к нам...

Но такое отношение было только вначале... Все пришло к тому, что непосещение собраний Союза писателей в Рязани стало одним из поводов исключения Солженицына из его рядов.

Но это потом. А тогда, при первых встречах, Можаяв предлагал ему писать для различных изданий. Александр Исаевич не стремился "раздраивать" себя. Он уже был связан с редакцией журнала "Новый мир", в котором его очень здорово поддерживали в трудное время.

"22 декабря 1961 года Александр Исаевич встречается с рязанскими писателями, делится впечатлениями о приеме деятелей искусства на Ленинских горах. Сначала он чувствовал некоторую осторожность со стороны своих коллег, но постепенно обстановка стала теплеть".

"29 января (1962 года, - И. Ж.) у нас дома - два представителя рязанских писателей. Сначала - новый секретарь Шундик, потом - бывший (и будущий) Матушкин. Шундик старается привлечь к Солженицыну максимум внимания...

...Хорошо он вошел в литературу, - заключает Матушкин, - многие писатели ему завидуют".

После Н. Шундика секретарем Рязанского отделения Союза писателей РСФСР стал Эрнст Иванович Сафонов. Он относился к моему мужу с большим уважением, одобрением. Ему пришлось очень тяжело, когда в Рязань из Москвы пришла команда исключить Солженицына из Союза писателей. В это время Эрнст Иванович лежал в больнице после операции аппендицита. Ходили слухи, что Сафонов лег в больницу нарочно, чтобы уйти от ответственности. Но, думаю, это не так. К нему в больницу приезжали, чтобы он подписал бумаги против Солженицына. Эрнст Иванович этого не сделал. В тех условиях это было подвигом.

Некоторые молодые рязанские литераторы отнеслись к Александру Исаевичу с необычайным почтением, но выступить против официального мнения они не могли. После собрания, на котором голосовали за исключение

ганами не обострились бы до такой степени...

Когда к мужу пришла известность, на наш дом обрушился поток визитеров и корреспондентов. Уйдя с работы из школы, он решил, что скроется от этого шквала за Окой, в Солотче. Перед разливом уезжал и, отрезанный от всего мира (на Оке в то время был только понтонный мост), сначала в гостинице (бывшем монастыре), потом - в домике на опушке соснового леса писал на рязанском материале рассказ "Для пользы дела". Тогда в Солотче было тихо и спокойно, здесь же он начал работать и над "Раковым корпусом". В 1964 году Солженицын перебирается жить в Давыдово (деревню, по существу сливающуюся с Солотчей). Здесь я нашла ему "вторую Матрену", как мы шутя называли хозяйку дома Агафью Ивановну Фоломкину. Ее в деревне больше называли Галина Ивановна. Но Александру Исаевичу нравилось, что ее звали старинным русским именем Агафья. У нее он прожил зиму 1965 года. Заканчивал "Архипелаг Гулаг", совмещал работу с предобеденными лыжными прогулками вместе с Полканом. На маленьком календаре у него было записано "Февраль - март - лучшее время года".

Гораздо раньше мы много путешествовали по стране. Муж брал в библиотеке томик знаменитого географа Семенова-Тян-Шанского, читал все о той местности, куда мы собирались, составлял маршрут. И мы, почти никогда не отклоняясь от него, отправлялись в путь. Во время путешествия старались встречаться с людьми, которые заинтересовали Александра Исаевича по письмам, или с друзьями, по большей мере такими, какие могли бы дать ему материал для архива.

В 1958 году мы побывали в Ленинграде. Сюда Александр Исаевич стремился с юных лет, когда задумал написать роман, действие которого проходило в Петербурге. Задолго до путешествия Солженицын добыл старший путеводитель с прежними названиями. Выписал "Ленинградскую правду" за несколько месяцев, чтобы быть в курсе последних событий. И когда уже в Ленинграде мы ехали по Невскому, Александр, глядя в окно, безошибочно называл знакомые места.

Когда у нас появились велосипеды, мы стали путешествовать на них. Еще в студенческие годы Александр проехал по Военно-Грузинской дороге, был на Урале, в Крыму. Я же только начинала осваивать двухколесный транспорт. Поэтому сначала муж ездил один, в основном по Рязанской и Московской области. При этом он много наблюдал: "Крохотки" - из этих дорожных наблюдений.

Природа средней полосы России нам очень понравилась, хотя мы обродились на юге, в степной полосе. Всегда мечтали иметь здесь свой уголок. Эту мечту мы осуществили, купив в 1965 году дачку близ Обнинска. В Обнинске мы собирались переезжать жить. Там я уже прошла по конкурсу в один из НИИ. Но, узнав, что я жена Солженицына, результаты конкурса отменили. Опять начались гонения. А дачка - в 260 километрах от Рязани, в 20 от Обнинска - так и осталась за нами.

Разрыв

Официально Солженицын и Решетовская расстались в 1970 году. По существу - гораздо раньше. У Александра Исаевича к тому времени в Москве появилась новая семья, дети... Наталья Алексеевна уступала, не давая развода. Она никак не могла примириться с тем, что больше не будет жить с любимым человеком, которого любила, который когда-то любил ее...

Я знала, что за разводом последует разрыв, несмотря на его обещания, что у нас будут необыкновенные отношения. Я в это не верила. Знала, что у него времени на меня не хватит, поэтому противилась разводу. И оказалась права...

Что ему сейчас мешает восстановить со мной добрые отношения? То, что он придумал. А это именно он придумал... Для того чтобы ему спокойнее жилось. Он же прислал мне письмо, что с чувством вины передо мной и умирает... Но ему легче жить, связав меня раз и навсегда с госбезопасностью. Многие принимают это на веру, хотя у меня совесть совершенно чиста...

Ирина ЖУКОВА.

"С.К.В."